

В конце тридцать третьего года правления под девизом Дигэн в Золотой столице разразилась буря.

Седьмой принц, Сюаньюань Буцзи, который прежде послушной тенью следовал за своим третьим братом, внезапно явился во дворец без высочайшего созыва. Рухнув на колени посреди тронного зала, он воскликнул:

— Отец! Эту бумагу я обнаружил в военном шатре третьего брата. Мой благородный брат, оберегая узы братской любви, не решился представить это послание из дальних краев вашему величию. Однако в письме прямо говорится: промедли мы еще немного, и войска второго брата подойдут к Великой стене Циньянь. Они готовятся ударить по заставе Холодных Снегов в провинции Фэнхуа, чтобы затем беспрепятственно двинуться на Золотую столицу! Наша столица в смертельной опасности!

Император Дигэн пробежал глазами доклад и приложенное к нему письмо, все еще отказываясь верить прочитанному. В тайном донесении сообщалось, что второй принц, Сюаньюань Бэй, вступил в сговор с далекой северо-западной провинцией Трех Святых, тайно собирал войска и готовил мятеж.

Сгорая от ярости, правитель вперил ледяной взор сначала в застывшего на коленях третьего принца, Сюаньюань Сюаня, а затем — во второго, Сюаньюань Бэя, который простерся ниц на полу и мелко дрожал.

— Вы... — выдохнул император. — Отвечайте! Неужели то, что говорит седьмой, — правда?! Что все это значит?!

Гнев Сына Неба поверг сановников в трепет. Весь двор разом пал ниц, умоляя государя сменить гнев на милость.

В ушах третьего принца, Сюаньюань Сюаня, еще звенели лицемерные слова о братском милосердии, пока он буравил взглядом седьмого брата, нанесшего этот предательский удар без малейшего колебания. Душу Сюаня захлестнула волна обжигающей ярости. Будь Буцзи действительно преданным братом, он спросил бы обо всем с глазу на глаз. К чему этот фарс перед лицом всего двора? Прежний послушный хвостик, оказывается, научился разыгрывать партии, убивая одним выстрелом двух зайцев.

Мысли Сюаня неслись бурным потоком. Подавив первый порыв гнева, он внезапно ощутил странное облегчение. В отличие от первого, второго и четвертого братьев, у него имелись весомые козыри. Да и настоящим своим соперником он всегда считал вовсе не этих бездарей, а пятого принца, за спиной которого стоял могущественный Сюань-цзюньван из Восточной столицы.

Сейчас главным было отвести подозрения от себя. Он заговорил твердо и открыто:

— Отец, это письмо — лишь неподтвержденный слух, у меня не было неопровержимых улик. Поспешу я представить его вашему величеству без доказательств, это вызвало бы смуту и раскол среди чиновников, исход которых трудно предугадать. Стоило мне получить неоспоримые свидетельства, я бы незамедлительно принес их к вашему престолу на высочайший суд.

Второй принц, Сюаньюань Бэй, яростно уставился сначала на Сюаня, а затем на явно занервничавшего Буцзи. Он закричал:

— Отец! Ваш сын оклеветан! У меня никогда не было помыслов о бунте! Седьмой еще слишком глуп и юн, раз бросается столь тяжкими обвинениями в наш с третьим братом адрес. Явиться во дворец без дозволения... Это же чистой воды безумие!

— Безумие?! — Император Дигэн вскочил с трона и швырнул донесение прямо в лицо второму принцу. — По-моему, безумие творишь здесь ты! Три года назад я отправил тебя в провинцию Трех Святых совершить подношения на могилах предков. И ты времени зря не терял! Решил уподобиться основателю династии и поднять войска из города Трех Святых, чтобы силой занять престол в Золотой столице?! Ты ведь еще тогда начал плести свой заговор?!

— Отец, даже третий брат признает, что улики зыбки! Как вы можете верить на слово? Ваш сын невиновен! — Лицо Сюаньюань Бэя исказилось, от бессильной злобы и страха на его глазах выступили слезы. — Отец, меня оклеветали!

— Расследовать! — непреклонно вынес вердикт император. — Поручить верховному канцлеру Цзи Сюэкану возглавить палату правосудия и вместе с ведомствами Цяньи, Хоучэн и чиновниками Трех управ досконально во всем разобраться. Немедленно вызвать во дворец министра образования и командующего войсками провинции Трех Святых. Если послушаются призыва — карать по закону. Направить приказ командующему провинции Фэнхуа: держать глухую оборону у заставы Холодных Снегов на Великой стене Циньлянь. В случае малейшего движения со стороны провинции Трех Святых — дозволяю карать мятежников на месте без предварительного доклада. Что же касается второго принца Сюаньюань Бэя и третьего принца Сюаньюань Сюаня — запереть обоих во дворце Вечного Спокойствия. Не выпускать без моего личного указа!

— Отец!..

— Отец!..

Третий принц прекрасно понимал, чем грозит подобное обвинение. Внешне он старательно разыгрывал такое же отчаяние, как и его старший брат, но при этом буравил ледяным взглядом суесящегося седьмого. Спасти Сюаня теперь мог только один человек — Великий защитник Сюаньюань Кай. Только его заступничество могло снять подозрения.

Опора второго принца в основном состояла из придворных чиновников и советников. Те порывались было выступить в его защиту, но страх перед императорским гневом сковал их

волю. Пока они колебались в нерешительности, время ушло — никто так и не посмел подать голос. В итоге под конвоем гвардейцев, вооруженных длинными алебардами, обоих принцев увели прочь.

Император Дигэн сложным, читающим взглядом посмотрел на Сюаньюань Буцзи, чье лицо так и лучилось заботой о родителе. Новая волна раздражения поднялась в груди государя.

— Знаю я твои вечные проказы и вздорный нрав! Но завалиться без спроса на императорский совет — это неслыханная дерзость, попирающая всякое приличие! Стража! Отведите этого негодника в Государственный университет. Пусть сидит там под замком, пока за ум не возьмется!

— Нет! Отец! Не хочу я учиться! Я рисовать люблю! Отец!.. — истошно голосил седьмой принц, но гвардейцы без лишних церемоний поволокли его в обитель знаний, передавать на поруки великим книжникам.

Так, под аккомпанемент скандального разоблачения, завершилось великое собрание, созываемое раз в три дня. Поскольку дело о заговоре в провинции Трех Святых затронуло сразу троих наследников престола, под покровом тишины в Золотой столице забурились опасные течения. Каждый чиновник теперь дрожал за собственную голову.

В городских тавернах и чайных только и говорили что о провинции Трех Святых. И не случайно, ведь те земли были колыбелью правящей династии Сюаньюань.

Именно оттуда, из затерянного на диком северо-западе города Снежной Травы, когда-то начали свой путь предки императора. Они основали небольшое царство Наньсюань, заложили столицу в запредельном городе Небесной Столицы, а затем, прорвавшись через южные рубежи, хлынули в Поднебесную. Завоевав срединные земли, они свергли древнюю власть верховных жрецов и утвердили законы династии Чжоу.

Если Сюаньюань Бэй действительно тайно собирал полки в городе Снежной Травы, его намерения были ясны без лишних слов: он замахнулся на великое наследие предков. Впрочем, вспоминая его жалкий вид на совете, вельможи сомневались, что этот изнеженный принц способен на столь дерзкое предприятие. Как бы то ни было, это происшествие официально возвестило о начале борьбы за престол империи Великая Чжоу.

После завершения совета Ху Пэй, исполняя обязанности чиновника в Ведомстве четырех помощников, занялся разбором прошений и докладов, присланных шестью главными министрами на имя императора. Из окна своего кабинета он заметил, как во дворец торопливо проследовал Великий защитник Сюаньюань Кай.

Проведя за закрытыми дверями долгие часы в беседе с государем, военачальник покинул

покои, бережно сжимая в руках свиток с императорским указом. Вскоре после этого птицы, которых подкармливал Ху Пэй, принесли ему на хвосте новость: домашний арест с третьего принца, Сюаньюань Сюаня, снят.

Что же касается второго принца, то он так и остался томиться под стражей во дворце Вечного Спокойствия. Сколько бы его сторонники ни бегали по инстанциям и ни пытались вымолить пощаду, двери его темницы оставались закрыты наглухо.

За следующие полмесяца верховный канцлер Цзи Сюэкан дважды вызывал к себе Ху Пэя, спрашивая, как пережитое потрясение сказалось на здоровье его величества. Ху Пэй, разумеется, всякий раз невозмутимо отвечал, что государь пребывает в прежнем здравии.

Все эти дни молодой человек проводил преимущественно во дворике своего ведомства. Он неторопливо сыпал зерно на каменные плиты, приманивая стайки воробьев и синиц, и внимательно прислушивался к их звонкому щебету. Пернатые лазутчики приносили вести со всех концов города, а Ху Пэй терпеливо связывал разрозненные нити в единый узел.

Недавно император Дигэн в приватной беседе с Великим наставником Хо Удуном жаловался, как тяжело бремя многодетного отца. Мол, куда спокойнее жилось покойному родителю, у которого было всего трое сыновей да две дочери.

Выслушав этот пересказ от своих крылатых соглядатаев, Ху Пэй едва заметно коснулся губ, пряча ироничную улыбку. Ведь он знал самую сокровенную тайну государя: Дигэн не был родным сыном покойного императора. Он являлся младшим ребенком его старшей сестры — великой принцессы, выданной замуж за пределы столицы.

Вся эта история тянулась со времен прошлого царствования. У покойного императора было три сына. Один утонул еще в детстве. Второй ныне жил при дворе под именем князя Сюаня — правителя Восточной столицы. Третий же находился далеко на северо-западе: он возглавлял орден Небесных Тайн в городе Трех Святых, оберегая покой государственной религии.

Вот истинная причина, почему известие о заговоре в провинции Трех Святых до смерти перепугало Дигэна. Больше всего на свете он боялся, что глава ордена Небесных Тайн — законный первенец покойного государя — решит заявить свои права на престол и двинет на столицу войска.

Настоящей же матерью нынешнего императора была старшая дочь покойного правителя. Ее отдали замуж в провинцию Наньшу, где она обзавелась многочисленным потомством. Ее младшую сестру, вторую принцессу, сочетали браком с владельцем провинции Наньсюань. Обе царственные сестры оказались на юге, разделенные непроходимыми хребтами Десяти Тысяч Гор Наньшу, и лишь мысленно могли перекликаться друг с другом с востока на запад.

Традиции дома Сюаньюань вообще были весьма любопытны. Со времен основателя династии, Сюаньюань Чжана, который впервые выдал свою дочь за чиновника провинциальной управы, все последующие государи неизменно следовали этому правилу. Любимых дочерей они

старались пристроить поближе к столице, тех же, к кому не лежало сердце, отсылали на самые окраины.

К моменту воцарения покойного государя неохваченными семейными узами оставались лишь две земли: юго-западная провинция Наньшу и юго-восточная Наньсюань. Верный заветам предков, он отправил дочерей именно туда.

Но почему же при наличии родных сыновей он передал бразды правления племяннику?

Все дело было в тайне Восточной столицы. В древней усадьбе клана Фэн, который безраздельно правил континентом на протяжении тысячи лет, спала под замком запретная печать. Чтобы уберечь мир от возрождения зловещей жреческой власти, один из сыновей каждого императора был обязан принять титул князя Сюаня и нести вечный дозор над этим узилищем.

Избранный на эту роль царевич получал драгоценное зелье бессмертия, выменянное у великих орденов заклинателей ценой немыслимых даров, но взамен навсегда лишался права претендовать на трон.

Было и второе место, которое по долгу крови должен был занять отпрыск императорского рода — неважно, юноша или дева, ценился лишь врожденный дар. Речь шла о poste главы ордена Небесных Тайн, чья обитель возвышалась на горе Сюанькунь в провинции Трех Святых.

Этот орден служил духовной опорой государства и колыбелью для лучших полководцев империи Великая Чжоу. Обитель держалась в стороне от мирской суеты; связующим звеном с внешним миром выступал лишь избранный преемник ордена — в нынешнем поколении эта почетная доля выпала деве из рода Шэнь, Шэнь Тяньсинь.

Отдав двоих уцелевших сыновей на служение этим высшим целям, прошлый государь просто не имел других наследников, способных принять корону.

Простому человеку в подобное трудно поверить, но род Сюаньюань издревле ставил благо народа превыше всего. Шаг за шагом они строили империю, следуя заветам конфуцианцев, мастеров войны и бессмертных заклинателей. К власти ради власти они никогда не стремились. И чем достойнее был правитель, тем меньше он дорожил золоченым тронном. Прежний император являл собой образец такого бескорыстия.

Дочери его вышли замуж и жили в свое удовольствие, один сын трагически погиб, а двое других ушли хранить невидимые рубежи государства. Оказалось, что занять пустующий престол в Золотой столице попросту некому. Поскольку своих детей у государя больше быть не могло, он тайно взял на воспитание младшего сына старшей сестры и вписал его имя в яшмовые родословные книги. Так на трон взошел нынешний император Дигэн.

Ради спокойствия в государстве эту тайну хранили за семью печатями. Лишь великий церемониймейстер Ху Юньшэнь был посвящен в нее. Однажды в доверительной беседе со

старой госпожой Ху он обмолвился, удивляясь, отчего прежде бесплодный императорский род вдруг дал такие обильные всходы при дворе Дигэна. Птицы подслушали этот разговор и принесли его на своих крыльях Ху Пэю.

Ху Пэй сопоставил все собранные слухи. Картина вырисовывалась примечательная: верховный канцлер Цзи Сюэкань не поддерживал ни старших наследников, ни шестого, седьмого или восьмого принцев. Все его надежды были связаны с самым младшим, десятым принцем, Сюаньюань Жуном, который только-только начал постигать грамоту.

Мотивы канцлера угадывались без труда. Цзи Сюэкан занимал свой высокий пост уже пятнадцать лет, не снискав на нем ни громкой славы, ни особых успехов. Будучи на пять лет моложе императора, он страстно желал удержаться у руля власти еще как минимум на десятилетие.

Но новая метла всегда метет по-новому. Взойди на престол деятельный восьмой принц, Сюаньюань Дуань, кресло под канцлером закачалось бы в тот же день. Другое дело — малолетний ребенок на троне, при котором можно оставаться некоронованным владыкой Поднебесной.

Остальные высшие сановники, входящие в совет Трех гунов, относились к вопросу престолонаследия по-разному.

Великий наставник Хо Удун радел исключительно о чести и добром имени императорского дома. Кто именно займет трон — его волновало мало, этот выбор он целиком оставлял на усмотрение Дигэна.

Великий воспитатель был слишком поглощен обучением юных принцев и не питал честолюбивых помыслов.

Великий защитник Сюаньюань Кай, сам происходивший из боковой ветви династии, превыше всего ставил выживание рода. Будучи главой земного воинства Сюаньюань, он занимал особое положение при дворе. Его преторианцы не вмешивались в дворцовые интриги и хранили верность любому, кто носил венец.

Впрочем, здесь крылась своя сложность. В юности Сюаньюань Кай пережил глубокую любовную драму, так и остался бобылем и не завел детей. А это значило, что императору вскоре придется пожертвовать еще одним сыном, дабы тот унаследовал доспехи Великого защитника и возглавил грозную Железную гвардию. На эту роль Дигэн уже наметил третьего принца, Сюаньюань Сюаня.

Высыпав на камни последние зерна, Ху Пэй стряхнул пыль с ладоней и медленно убрал с лица всякое подобие улыбки.

Империя Великая Чжоу благоденствовала без малого два века, опираясь на пять незыблемых

столпов.

Первым был орден Небесных Тайн, чья тайная стража незримой сетью опутала всю страну. Ее соглядатаи зорко следили за наместниками в провинциях, стекаясь с донесениями в архивную палату при канцелярии верховного канцлера.

Вторым столпом высилась Железная гвардия Сюаньюань, со времен основания государства подчинявшаяся исключительно императорскому роду. Ныне Сюаньюань Кай оставался последним хранителем этой грозной силы.

Третьим связующим звеном была связь с таинственным миром бессмертных. Благодаря ей империя выменивала эликсиры долголетия и редкие снадобья для вечного стража Восточной столицы, превращая князя Сюаня в живое божество для простого люда.

Четвертой опорой служили конфуцианские школы. Обучая детей без различия пола, они прочно связывали умы простого народа с престолом.

И наконец, пятым столпом была разумная государственная служба, сочетавшая покупку почетных званий за щедрые пожертвования с честными имперскими экзаменами. Это давало способным людям из низов шанс пробиться наверх и заставляло власть прислушиваться к голосу улиц.

Разрушить столь прочное здание можно было лишь одним способом: подточить его изнутри, от самой вершины до основания, а затем нанести сокрушительный удар извне.

И сейчас все условия для этого наконец сложились.

За двести лет принцессы дома Сюаньюань разлетелись по всем уделам империи, а их многочисленные потомки успели обзавестись графскими и баронскими титулами. Все они жаждали урвать свой кусок пирога.

Час, когда пламя войны взметнется над заставами Великой стены Циньлянь, наконец пробил.

<http://bllate.org/book/18313/1765711>